

«БЫТЬ ИСТОЧНИКОМ СМЕХА — ГОРДОСТЬ ДЛЯ МЕНЯ»

Исполнилось 60 лет народному артисту СССР
Юрию Владимировичу НИКУЛИНУ

Фотографии этого человека можно публиковать без подписей — его знают все. Или подписывать коротко: «Юрий Никулин». Лучше не придумывать. Все остальное в нас самих — уважение, радость, желание новых встреч. Но есть и еще одно желание — знать об этом человеке больше, понять тайну его актерского магнетизма...

Пятилетнего московского мальчика родители привели в цирк. Мальчик был очарован.

— До сих пор помню костюмы клоунов... За двадцать последовавших потом лет очарование не исчезло. На фронте думал: — Если не убьют, буду артистом...

В 1948 году он получил удостоверение Студии разговорного жанра Московского госспирка. Документ свидетельствовал о первом творческом звании выпускника — «артист второй категории». Он отнесся к этому без смущения и замешательства и пришел на манеж.

Несколько лет в недомоком поиске рождалась маска, образ, который сегодня узнают все, которому улыбаются и рукоплещут взрослые и дети: этакий длинный балбес с округленными глазами и набеленным носом, шапочка тарелочкой, куцый пиджак, нелепые полосатые штаны и огромные туфли. Его дурачат на манеже все, кому угодно. И не сразу догадаешься, что балбес играет в поддавки, он позволяет думать нам о нем, как о балбесе нарочно, чтобы мы думали лучше о себе и могли увереннее смеяться... А о том, что балбес, в сущности, психолог — не приходит в голову. Да и некогда думать — смеемся...

Никулин считает, что у смешного нет предела. Он ищет смешное в жизни и переносит его в свои репризы. Он смешит с экрана, снялся в 41 фильме, из них 38 — комедии. С телевизионного экрана он вместо «до свидания» говорит: — «До встречи в комедии». И даже книгу о своей жизни он называет «Почти серьезно», будто сам не позволяет себе и читателю думать серьезно о своем детстве в тесной московской квартире, о военной молодости, о послевоенных годах, когда в подарок отцу он привозил из Одессы полмешка муки и бутылку подсолнечного масла, о том, как «носом в описки» начиналась его цирковая карьера: администраторы ставили его номер после номера с дрессированными лошадьми, долго не смеялись зрители, хотя он и его партнеры месяцами продумывали каждый шаг на манеже...

Он так много смешит нас, что начинает казаться, будто он и в жизни такой, как, например, в «Бриллиантовой руке» — «А нам все равно...».

Мы видели другого Никулина. Однажды он был приглашен в маленький клуб на Карельском перешейке. Зал вмещал человек двести, выступление было рассчитано часа на полтора-два и добираться до этого клуба из Ленинграда тоже надо было не меньше часа. А на «Ленфильме» снималась картина, в которой он играл главную роль, а в цирке на месяц вперед были проданы все билеты на его выступления, по два, по три — в день. Но он принял приглашение. Присутств в машине оконное стекло, внимательно всматривался в заснеженные дороги, мелькавшие мимо поселки. — «Вот, кажется, здесь мы занимали оборону, где-то здесь хоронили товарищей, говорят, на этом месте уже стоит памятник...».

В клубе во время антракта за кулисы пришла пожилая женщина и тихо позвала Нику-

лина: — «Юра». Он смотрел в недоумении. Она подсказала: — «Вспомни 37 дивизион». И они со слезами бросились друг к другу, стали наперебой вспоминать товарищей, которых потеряли в этих местах, которые остались жить, но давно разъехались... Антракт кончался, на пачке сигарет Никулин записал адрес, вытер слезы, вышел в зал и тот снова взорвался смехом...

Он защищал Ленинград, Ригу, был разведчиком, артиллеристом. И в те дни смех был его личным оружием: «...В тяжелые дни войны, во время затишья после бомбежки или обстрела я старался разрядить гнетущую обстановку каким-нибудь анекдотом или смешной историей. После смеха мы забывали об угрозе смерти, которая ежечасно нас подстерегала, становилось легче жить, появлялись оптимизм и вера...».

Эти чувства были пророческими. Вместе со всеми Юрий Никулин праздновал Победу. Он стал Артистом. Друзья его называют москвичом, которого не застaneшь в Москве. Он объездил весь мир. В цирке представления с его участием идут при полном аншлаге уже десятилетия. Одно его имя в титрах обеспечивает успех фильма...

Говорят, что отличительная черта мастеров искусства двадцатого века в том, что они как ученые исследуют, анализируют, препарируют действительность и свои собственные методы работы. Вероятно, к числу таких мастеров можно отнести и Юрия Никулина. Пытаясь объяснить психологию своего выбора клоунады, он пишет: «...нужно обладать особым даром характера, особыми взглядами на жизнь. Не каждый человек согласился бы на то, чтобы публично смеяться над ним и чтобы каждый вечер его били, пусть не очень больно, но били, обливали водой, посыпали голову мукой, подставляли подножки. И он, клоун, должен падать, или, как мы говорим в цирке, делать каскады... И все ради того, чтобы вызвать смех...».

И в самом деле, каким особым даром надо обладать, чтобы после тридцати лет такой жизни уверенно сказать: — «Быть источником смеха — гордость для меня...».

НА СНИМКАХ: Ю. Никулин перед выходом на арену; выход, после представления — Ю. Никулин и М. Шуйдин.

Н. ЯМПОЛЬСКАЯ.
Фото Р. КУЧЕРОВА.

